

Автор представлен членом Художественного совета **Петрой Калугиной**

Покидая Вавилон

В непосильные дни, дни любви, бесконечной тревоги,
Где тебя мне искать? Только в сон мой зайдёшь иногда,
Где ты робко ласкаешь смиренного единорога,
А под мочкою уха мерцает серёжка-звезда.

Прохожу виноградник, не здесь ли с тобой повстречаюсь?
Обовьёшь мою жизнь виноградную щедрой лозой.
Я иду мимо розы, и роза бутоном качает,
Чуть задетая каплей дождя, а быть может – слезой.

Вавилон зазывает, морочит, за полы хватает,
А над шумом и гамом – безмолвная кроткая высь.
Финикийские перстни, хитоны, шелка из Китая, –
Как же много всего, без чего я могу обойтись!

Шестиглавые звери, сирийские ткани, агаты,
Голоса лжепророков, послушные звону монет...
Я хочу позабыть мутно-жёлтые воды Евфрата,
Эти дни без тебя, эту башню, закрывшую свет.

От навязчивой яви хочу – не могу пробудиться.
И в прикрытых усталых глазах – мельтешение лиц.
Город пуст без тебя... В небесах одинокая птица...
Город пуст, как пустые глаза вавилонских блудниц.

Белый агнец пылает в костре, поднимается пламя,
И... мрачнеют жрецы, изучая оттенки огня.
Я ловлю твоё имя в гудящем вечернем бедламе,
Я ловлю жадным сердцем, и нежность сжигает меня...

Забытый

А вас всё нет. Темнеют крыши,
Луну – и ту погрызли мыши,
И крошки звёзд шуршат всё тише...
Лишь темнота и маета.
Я вечно жду вас у порога.
Как не погладить хоть немного
Такого нежного, незлого,
Такого мягкого кота?

Как не вернуться в царство лени?
Когда вокруг ложились тени,
Меня вы брали на колени,
Шептали добрые слова.
Я – кот любовного касанья,
Я – кот счастливого урчанья,
И ловля снов – моё призванье,
Тех снов, где больше волшебства.

Но вы погладили другого, –
Ловца мышей, убийцу злого,
Кота хитрющего, худого,
Поймите, это – западня.
Он вас обидит. Встанет шёрстка,
Сверкнут глаза нежданно-жёстко,
За всё – кровавая полоска, –
Тогда вы вспомните меня.

Тот кот – коварный сын помоек.
Он душит крыс и землероек,
Кротов и глупых пёстрых соек,
А усмехнётся он – беда!
Он просто кот, и нот хрустальных,
Снов безмятежных, беспечальных,
Надежд и блёсток карнавалых
Не принесёт вам никогда.

Рифма

Кого бы огреть сучковатою палкой,
Вот этой большой сучковатою палкой?
Измученный гений застыл над селёдкой,
Съедобной вполне малосолевой селёдкой.
Прекрасна селёдка, отличная палка,
Да вот не рифмуются.
Жалко...

Дама с собачкой

Стояли, прощались до позднего часа...
Мерцал равнодушно фонарик баркаса,
Смотрел полусонно: ему надоело –
Опять кто-то плачет. Обычное дело.
А сколько их было – курортных романов,
Надежд, обещаний, беспечных обманов!
Мужчина, целующий женщине руки,
Смычок, что поднялся над скрипкой разлуки, –
Так было, так будет, – луны безмятежность,
Прибой и его исполинская нежность...
Но двое боялись и ждали развязки,
Воруя у счастья последние ласки.
И были безумье, тоска и отрада,
Познание неба, предчувствие ада.
Пустые мечты и печальная кода
В темнеющем небе, в гудке парохода...
Но люди, решаясь, тянули невольюно –
Рвануть по живому и страшно, и больно...
Шпиц слушал хозяйкины вздохи и охи
И думал: «Пустое! Вот если бы... блохи!»
Пушистый, весёлый, носился у моря,
То чаек пугая, то с крабами споря, –
Пёс, чистый душою, пёс, белый, как пена,
Не знавший сомнений и слова «измена».
С хозяйкою милой он будет навеки:
«Зачем расставаться? Эх, вы, человеки...»
А люди прощались, округа дремала.
Собачка смотрела и не понимала...

Моряки

Что нам нужно? Наша дружба, волны, ветер и маяк.
Что мы делали на суше? Ты моряк и я моряк.
Каждый хочет плыть на помощь и кого-нибудь спасти.
Сын, ты станешь капитаном, надо только подрасти.
Мы поплыли морем Чёрным, морем Красным, как заря,
Белым, Жёлтым – есть на свете акварельные моря.
По пустыне океана плыли будто бы во сне.
Звёзды яркие над нами, звёзды тусклые на дне.
В небе галочка на память – мы запомним навсегда
И фонтаны над китами, и подводные стада,
И огни святого Эльма, и рванину парусов,
Ожиданье, очертанья неоткрытых островов,
Как с пиратами сражались, и срывали чёрный флаг,
Как из трюма выпускали исхудавших бедолаг,
Плыли с картою сокровищ, бушевал девятый вал!..
Мама нас звала обедать, и обед наш остывал.
С мамой спорить бесполезно, наша мама всех главней.
Налегке спешим обратно без дублонов и гиней.
Дан приказ, а мы матросы. «Есть! – кричим на корабле, –
Рифы слева, рифы справа! Мы плывём к родной земле...»

Витенька

Три сборочных завода
Работали три года,
Пыхтела сотня роботов,
Катилось десять лент.
Да только мальчик Витенька
До шпунтика, до винтика
Всё развинтил,
Всё раскрутил –
В момент!